

Сценарии эволюции партийной системы

Парламентские выборы 2011 года становятся неизбежной точкой сценарной развилки на «умеренную либерализацию» или «стагнацию» | **БОРИС МАКАРЕНКО**

Сценарное исследование партийной системы вообще и партийной системы сегодняшней России в особенности представляет собой особую сложность, поскольку применительно к анализу партий трудно определить как зависимые, так и независимые переменные. Подобно омарам в безумной кадрили из «Алисы в Стране чудес» они так и норовят поменяться местами. На то есть сразу несколько причин:

- Партийные системы в большей степени, чем другие политические институты, являются одновременно как *продуктом* политической системы, так и ее *создателем*, что особенно справедливо для становящихся политических систем в демократиях третьей волны¹. В России партии в своем прямом смысле (если не употреблять слово «партии» в архаичном смысле группировок при дворе) играли ограниченную, хотя и весьма важную роль в становлении и развитии политического режима. К настоящему времени доминирование исполнительной власти в российской политике еще более несомненно. Это превращает развитие партийной системы в переменную, зависимую от общей эволюции государственного строя, которую инициирует и направляет Кремль. Если эта эволюция будет направлена в сторону демократизации, для партий откроется возможность превратиться из объекта в субъект политики — без этого демократиза-

ция просто не состоится. Найдутся ли в стране политики, способные воспользоваться этой возможностью, и будет ли эта попытка удачна — отдельный вопрос.

- Если продолжать рассматривать партийную систему как переменную, зависимую от других институтов (таких, как исполнительная власть, избирательная система и ее правоприменение, баланс между исполнительной и законодательной властью, центром и регионами), то возникает проблема: что именно и в какой степени в них должно измениться? Какое сочетание перемен в каждом из этих институтов может породить разные сценарии развития партийной системы?
- Третья развилка — институциональный характер партий: с одной стороны, они являются субъектами «большой политики», объединяют элиты, вырабатывают политическую повестку дня, выдвигают лидеров, конкурируют с другими элитными группировками. С другой стороны, партии представляют собой структуры гражданского общества, агрегирующие общественные интересы. Это возвращает нас к тому же вопросу: смогут ли партии даже в благоприятном сценарии освоить роль субъектов политики, сохранив и переопределив единственную функцию, которую они худо-бедно выполняют и сегодня, — выражение если не воли, то эмоций и предрассудков своих избирателей.

Тезис 1. До какой жизни мы дошли и есть ли выход из нынешнего положения?

Жанр сценарного прогнозирования требует для начала проанализировать нынешнее состояние предмета исследования и даже обратиться к истории вопроса, хотя печальная история упадка российских партий многократно описана.

Политические партии появились в России в период острого кризиса государственной легитимности и социально-экономических реформ, расколовших элиты и общество. На протяжении почти десятилетия власть проводила реформы, притом что в законодательной власти оппозиция составляла большинство, — уникальный случай для всего посткоммунистического пространства. Это обусловило конституционный дизайн со слабым парламентом и ограниченной ролью политических партий. Тем не менее в этот период многопартийность сыграла свою позитивную роль. Через партии и их парламентское представительство самые разные группы населения оказались приобщены к реалиям новой политики: и ностальгирующие по советскому строю (через КПРФ), и те, кому по душе правый популистский протест с националистическим оттенком (через ЛДПР), и либералы-западники (через «Яблоко» и предшественников нынешнего «Правого дела»), и приверженцы левоцентристского патернализма (через множество мелких левых партий). При всей противоречивости институциональной роли Государственной думы 1990-х годов, она стала инструментом, с помощью которого в стране создавалось новое плюралистичное политическое сообщество, заполнила (хотя и не оптимальным образом) законодательное поле. Свою роль в этих процессах сыграли и малочисленная на ту пору «партия власти», и оппозиционные партии различного толка, и независимые депутаты-одномандатники,

составлявшие в первых трех созывах от четверти до трети депутатского корпуса.

Однако такая конфигурация политического пространства, способствуя преодолению кризиса легитимности власти, обусловила и сложности последующего этапа. Во-первых, «цена реформ», проведенных без опоры на общественный и элитный консенсус, оказалась достаточно высокой. Отношения власти и собственности, сложившиеся в первое десятилетие посткоммунистического развития страны, обладали недостаточной, ущербной легитимностью: передача власти любой другой политической силе создавала опасность масштабного пересмотра, который, в свою очередь, грозил полной дестабилизацией и политики, и экономики страны. Коррекцию отношений власти и собственности мог осуществить лишь усилившийся — и беспартийный — федеральный Центр, причем речь шла о коррекции в строго определенных рамках, а именно об изоляции от власти «политизированных олигархов» и «равноудалении» крупного бизнеса, а также об ослаблении политической автономии региональных руководителей. Сами «удаляемые» не имели возможности перехода на сторону оппозиционных партий, поскольку у последних не было реального шанса прийти к власти — в большинстве своем они были антагонистично настроены по отношению к политическим и деловым фигурам, поднявшимся в минувшем десятилетии. Реформа Совета Федерации в 2000–2001 годах, «дело ЮКОСа» (руководители которого оказывали финансовую поддержку различным партиям) в 2003-м и отмена всенародных выборов губернаторов в 2004 году свели к абсолютному минимуму стратегию «раскладывания яиц в разные корзины», то есть диверсификации партийных связей крупного бизнеса и региональных лидеров.

Тем самым в политической и деловой элите была создана одноканальная система

выражения политических интересов через «партию власти». Такое положение фактически остается и сегодня. Для целей сценарного прогноза отметим те черты партийной системы, которые наиболее важны для понимания возможных вариантов развития.

1.1. В свое нынешнее состояние партийная система пришла после декабря 2007 года: встав во главе партийного списка «Единой России», Владимир Путин фактически — хотя в явном виде об этом никогда не говорилось — стремился к результату, сопоставимому со своей собственной убедительной победой на президентских выборах 2004-го. Фактически он намеревался воспроизвести на парламентских выборах, проводимых по пропорциональной системе, президентское большинство. Применительно к декабрю 2007 года такое решение, по крайней мере, объяснимо: уходящий президент хотел получить «свежую легитимность». Однако целевая установка региональных властей и «Единой России» добиваться результата «за 60 проц.» на последующих региональных выборах 2008–2009 годов — без участия Путина, и к тому же в условиях кризиса, а не подъема — окончательно «добила» и без того сокращавшийся партийный плюрализм. Конкуренция между партиями сменилась соревнованием областных и районных начальников за самый высокий результат «Единой России» в своем регионе. Административный ресурс достиг своего максимума, а политический ресурс оппозиции снизился ниже критического уровня: все вместе оппозиционные партии имеют менее трети мест в федеральном и большинстве региональных законодательных собраниях. Эффективное число партий², по собственным расчетам автора, на большинстве выборов на территории Российской Федерации колеблется чуть выше двух для электоральных партий (участников выборов) и чуть ниже двух — для парламентских (пред-

ставленных в законодательных собраниях), то есть система фактически перестает быть многопартийной.

1.2. В такой системе партии не могут полноценно осуществить свои функции, привычные для любой нормальной партийной системы. В некотором приближении они выполняют лишь функцию представления интересов избирателей, которые голосуют за «главный мессидж» крупнейших партий. В упрощенном виде эти «мессиджи» могут выглядеть следующим образом: *поддержка власти, ностальгия по советскому прошлому, правопопулистский протест против власти, ощущение социальной несправедливости*. Другие функции, в частности, функцию борьбы за власть, партии не исполняют. Слабость партий и их неспособность выполнять функции в политической элите — агрегировать интересы, управлять выработкой и реализацией политической линии, выдвигать партийных и государственных лидеров, служить механизмом мирного разрешения элитных конфликтов — резко ограничивает приток перспективных политиков и иных ресурсов в оппозиционные партии. Такое положение партий в политической системе страны складывалось все последнее десятилетие и ныне лишь усугубляется.

1.3. Слабым оппозиционным партиям не противостоит сильная «партия власти». «Единая Россия», достигнув абсолютного большинства во всех парламентах, остается «функцией» от исполнительной власти (см. экспликацию в Тезисе 3), что не отменяет факта реальной поддержки «партии власти» значительной частью населения.

Счесть эту систему имитационной и бесперспективной мешают лишь некоторые обстоятельства: реальное выполнение партиями функций представления интересов, привыкание общества к легитимации власти через

выборы и модернизационный посыл российского руководства, который по крайней мере на словах предполагает пусть медленную и эволюционную, но демократизацию страны³.

Тезис 2. Когда б вы знали, из какого сора...

Прогнозируя развитие партийной системы, следует иметь в виду, что ни одна из ныне существующих партий не способна к самостоятельному качественному развитию.

2.1. Несмотря на то что «Единая Россия» обладает значительной электоральной поддержкой, принадлежность к ней является фактором карьерного *продвижения*, а среди ее членов немало статусных и профессиональных политиков, «партия парламентского большинства» так и не перестала быть функцией от исполнительной власти. Ключевые решения в «Единой России», будь то кадровые или программные, принимаются вне самой партии. Если партия и способна выработать и отстаивать какую-либо самостоятельную политическую линию, то это линия на «охрану» своего доминирующего положения и сопротивления существенным реформам в политической системе. Лишь по указаниям сверху партия приняла законы, гарантирующие оппозиции хоть какое-то существование, и пошла на минимальное оживление «внутрипартийной жизни» (участие в дебатах, праймериз, работа партийных политических клубов).

2.2. КПРФ и ЛДПР — партии без будущего, поскольку их существование зависит от единственного фактора. Для КПРФ это сохранение поддержки в «ностальгическом» и не воспроизводимом пожилым электорате, ради которого КПРФ последовательно отказывалась от внутренних реформ. На этих избирателях держится «ортодоксальное» крыло партии, вытесняющее с верхних этажей

партийной иерархии всех «реформаторов». С сокращением этого электората, которое должно произойти за один-два электоральных цикла, перед партией встанет проблема коренной перестройки своей электоральной ниши. Этот процесс будет существенно затруднен из-за консерватизма и идеологической непримиримости значительной части актива. Кроме того, пространство для маневра весьма ограничено: на левоцентристском поле есть другие игроки (в первую очередь «Справедливая Россия»), а уход в «левачество» или «патриотизм» не гарантируют коммунистам достаточной электоральной поддержки: их «разворот» от коммунизма к национализму не может быть резким, поскольку нужно будет сохранять остатки нынешнего электорального ядра, которое «не поймет» трансформации зюгановых в розгозиных.

Будущее ЛДПР зависит от политического долгожительства Владимира Жириновского: правопопулистская партия с националистическим «душком» вполне имеет право на существование, но этот электорат и актив, набранный «на спонсорской основе», не имеют иных скреп, кроме уникального феномена Жириновского. Даже сегодня, по опросам ВЦИОМ, без Жириновского от партии отвернулось бы около половины ее избирателей⁴, а «казус Мальшкова», кандидата от ЛДПР на президентских выборах в 2004 году, набравшего жалкие 2 проц., позволяет предположить, что отток будет еще значительнее.

2.3. «Справедливая Россия» состоялась как «запасная партия власти», в электоральном поле расположенная ближе к «Единой России», чем к КПРФ. Однако приток в нее реальных политиков оказался ограничен жесткой позицией бюрократии (региональной и федеральной), противившейся конкуренции в «мейнстримовском» пространстве.

На самом деле именно такая конкуренция неантагонистичных программ и политиков и

может стать основой реального плюрализма. Как бы партия ни замышлялась «наверху», ее реальным политическим активом стали фигуры, вполне совместимые с нынешним политическим режимом, но не вписавшиеся в «партию власти» — либо из-за неумения «ходить строем», либо из-за жесткого конфликта с властью на федеральном, а чаще — региональном уровне. Заявленная партией платформа социальной справедливости потенциально эластична: она может вместить и социал-демократов европейского типа, и социал-либералов, и просто популистов, которым не нравится то, что власть монополизирована одной силой и закрыта для критики. Но на сегодняшний день «Справедливая Россия» не готова существовать в условиях плюрализма в силу недостаточного веса — как элитного, так и электорального.

2.4. Либеральные партии — «Правое дело» и «Яблоко» не демонстрируют способности выйти из глубокого кризиса. Помимо традиционно называемых причин — кризис лидерства, нехватка новых ярких фигур, недружественное отношение власти к этим партиям, необходимо отметить главную: хотя либерально настроенных граждан в России немало (разные опросы дают цифру от 10 до 20 проц.), лишь для незначительной их части ценности либерализма и свободы играют «системообразующую роль», то есть могут служить главным мотивом электорального выбора. На сегодняшний день люди такого толка наиболее независимо настроены, не верят ни в политику, ни в выбор и вообще не склонны «играть в эти игры». Сами же либеральные партии не способны ни к коалиционному строительству, ни к выходу за пределы узкой праволиберальной и социал-либеральной ниши.

2.5. «Патриоты России» заслуживают в этом контексте минимального внимания: партия может добиваться лишь «точечных» успехов

на региональном уровне, где она сдает свой флаг во франшизу какой-либо локальной элитной группировке.

Тезис 3. Факторы перемен или факторы надежды?

Вместе с тем инерционное развитие нынешней ситуации маловероятно сразу по нескольким причинам.

3.1. Нынешняя партийная система не может пребывать в равновесии. Без «внешних воздействий» административная машина (региональная власть и «Единая Россия») настроена на постоянное расширение. Даже ограниченное «ручное управление» партийной политикой со стороны федерального Центра — речь идет о мерах, создающих «легальной оппозиции» минимальные гарантии воспроизводства, и об инициированном «сверху» проведении всех четырех парламентских партий в региональные парламенты на выборах марта 2010 года — было воспринято активом «Единой России» как неоправданное поражение и вызвало сильную эмоциональную реакцию, о чем свидетельствуют, например, дискуссии партийных клубов «Единой России»⁵.

В политике Центра в последнее время заметна тенденция к мягкому сдерживанию административного ресурса, однако пока она действует на региональных выборах. Если же на федеральных выборах 2011 года — во имя обеспечения «преемственности власти» — повторится сценарий думской кампании 2007 года и будет достигнут схожий результат (то есть конституционное большинство ЕР и — никакой конкуренции), то стагнация партийной системы становится практически неизбежной. До следующей «бифуркации» на федеральных выборах придется ждать пять лет, и с высокой долей вероятности на нее будет влиять приближение новой операции по обеспечению «преемственности власти» на президентских выборах 2018 года.

Таким образом, парламентские выборы 2011 года становятся неизбежной точкой сценарной развилки на «умеренную либерализацию» или «стагнацию» (см. ниже).

3.2. «Секрет успеха» (разумеется, не единственный) в построении моноцентрического режима в России заключен в характере элитной коалиции, которая создавалась на фоне долговременного роста доходов государства от дорожающих углеводородов. По сути, этот режим представляет собой неуклонно расширяющуюся на протяжении нескольких лет *распределительную коалицию*, которая была привлекательна и для патерналистски настроенного избирателя (а это абсолютное большинство россиян), и для элитных фигур, стремящихся «прислониться к власти» даже на условиях встраивания в жестко управляемую вертикаль. Однако строить такую вертикаль и далее мешает финансовый кризис: правительство вынуждено выбирать между выполнением социальных обязательств и инвестиционными программами, сокращать резервные фонды, принимать непопулярные решения (поднимать тарифы ЖКХ, транспортный налог). Можно предположить, что в будущем «распределительная коалиция» вынужденно будет принимать менее вертикальный характер и требовать заключения «социаль-

ных пактов» с экономически и политически активной частью общества. Это может привести к относительному росту автономии политических фигур внутри «Единой России» (в первую очередь депутатов-одномандатников), а также создаст стимулы для менее конфронтационного отношения «партии власти» к своим оппонентам, в первую очередь к «Справедливой России», в которую приходят в целом «мейнстримовские» политические фигуры.

3.3. А нужны ли партии обществу? Данные социологических опросов, в частности Левада-Центра, выявляют ряд существенных нюансов запроса на плюрализм в российском обществе (см. таблицы 1 и 2). Для россиян «оппозиция власти» и «серьезно влияющие на жизнь страны оппозиционные партии» — не синонимы, как следовало бы ожидать, а различные понятия. По их представлению, с начала нынешнего десятилетия «оппозиция власти» в стране существенно ослабла (с 53 проц. признававших ее существование на рубеже веков до примерно 40 проц. в последние 6 лет), но при этом доля утверждающих, что в стране наличествуют «значительные оппозиционные партии» даже несколько выросла — с примерно 30 проц. в первой половине десятилетия до примерно 40 проц. в последние годы.

Таблица 1

ЗАПРОС НА ОППОЗИЦИЮ ВЛАСТИ (В % К ЧИСЛУ ОПРОШЕННЫХ)						
	2000 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2008 г.	2009 г.
<i>Есть ли сейчас в России политическая оппозиция власти</i>						
Определенно да/скорее да	53	42	41	37	46	39
Определенно нет/скорее нет	25	38	35	39	35	38
<i>Нужна ли сейчас в России политическая оппозиция власти</i>						
Определенно да/скорее да	47	61	63	56	62	57
Определенно нет/скорее нет	29	17	14	20	21	19

Источник: Россияне о политической оппозиции. Пресс-выпуск Левада-Центра. 2009. 28 июля (<http://www.levada.ru/press/2009072802.print.html>).

Таблица 2

ЗАПРОС НА ОППОЗИЦИОННЫЕ ПАРТИИ (В % К ЧИСЛУ ОПРОШЕННЫХ)					
	2002 г.	2004 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.
<i>Есть ли в России значительные оппозиционные партии, движения?</i>					
Есть	31	30	30	41	38
Нет	42	47	47	33	47
<i>Нужны или не нужны в России общественные движения, партии, которые бы находились в оппозиции и могли оказывать серьезное влияние на жизнь страны?</i>					
Нужны	56	66	61	66	71
Не нужны	24	21	25	20	16

Источник: Россияне о политической оппозиции. Пресс-выпуск Левада-Центра. 2009. 28 июл. (<http://www.levada.ru/press/2009072802.print.html>).

Вместе с тем запрос и на «оппозицию власти», и на наличие влиятельных партий и движений, во-первых, вырос с начала десятилетия, во-вторых, в последние годы доля утверждающих «нужность» оппозиции в каждый момент превышала долю констатирующих фактическое наличие реальных оппозиционных партий в России. Запрос на такие партии существенно вырос и в 2009 году составил 71 проц. опрошенных.

Кажущееся противоречие имеет логическое объяснение. С одной стороны, большинство россиян за 2000-е годы обрело доверие к высшей власти и, очевидно, не желает ее смены (речь идет не о личностях президентов, а о предпочтении представителя действующей власти любой оппозиционной фигуре на президентском посту). Поэтому многие наши соотечественники принимают официальную «картинку» расклада политических сил, в которой оппозиционные партии принято считать «влиятельными» (в 2007 году число тех, кто придерживался такого мнения, даже превысило количество сторонников противоположной точки зрения). Но с другой стороны, с утверждением нынешней власти растет и ощущение «дефицита плюрализма»: все большая доля россиян высказывается за нужность как «оппозиции вообще», так и влиятельных партий.

Значительная — и возрастающая — часть российского общества, безусловно включающая и сторонников власти, признает необходимость политической оппозиции. Однако под оппозицией понимают не «антагониста» нынешней власти, стремящегося прийти ей на смену «у кормила»; скорее она видится как некий противовес, ограничитель, критик (возможно даже «разоблачитель»), иными словами, оппонент, но непременно «конструктивный» — именно это объясняет и видимое противоречие между доминированием провластных настроений и утверждениями о необходимости «сильной оппозиции». Последней приписывают силу не в борьбе за власть, а в оппонировании ей на думской площадке. Примерно такую же картину дают качественные социологические исследования⁶.

Таким образом, запрос российского общества на политический плюрализм носит противоречивый характер. С одной стороны, высокое доверие власти побуждает большинство россиян признавать и принимать существующее положение дел (об этом свидетельствует и описанный ниже рост рейтингов «Единой России» — ведущей партийной силы страны), с другой — существующие сегодня партии не в полной мере отвечают запросу на наличие реальной и влиятельной оппози-

Таблица 3

СКОЛЬКО ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НЕОБХОДИМО СЕЙЧАС РОССИИ? (В % К ЧИСЛУ ОПРОШЕННЫХ)								
	2001 сент.	2004 апр.	2004 сент.	2005 окт.	2006 июль	2007 апр.	2008 июнь	2009 окт.
Одна сильная правящая партия	34	34	34	38	32	30	32	17
Две или три большие партии	41	41	44	39	42	46	45	59
Много относительно небольших партий	4	8	6	4	5	7	8	9
Политические партии нам вообще не нужны	9	7	6	7	7	6	6	4
Затруднились ответить	13	11	9	12	14	13	10	11

Источник: Общественное мнение — 2009. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2009. С. 99.

ции, то есть имеющееся «предложение» на политическом рынке не вполне соответствует спросу на плюрализм.

В регулярно повторяемых с 1999 года опросах Левада-Центра соотношение сторонников и противников многопартийности в последние годы составляет примерно 50 на 40 (10 проц. не имеют мнения)⁷. Однако в 2009-м произошла определенная подвижка: доля сторонников многопартийности выросла до 68 проц., а противников — сократилась до 21 процента⁸.

3.4. «Вертикальная» модель партийной системы с ограничением плюрализма и возможностей для дискуссии, не говоря уже о возможности влияния «снизу» на принятие политических решений, входит во все большее противоречие с настроениями и интересами политически активной части общества. Речь идет о «новом среднем классе», точнее, той его части, которая недовольна отсутствием «социальных лифтов», бюрократически-полицейским давлением на бизнес, отсутствием возможности влиять на «политическую машину», архаичным стилем общения государства с обществом. Это по сути — «внепартийный протест». Такие люди не готовы голосовать за «партию власти», но при этом ни одну из существующих оппозиционных партий не

видят в качестве выразителя своих интересов. Как показывает недавнее исследование «среднего среднего» и «высшего среднего» класса⁹, часть его сохраняет прагматическую внешнюю лояльность политическому руководству, часть настроена оппозиционно, но общим для подавляющего большинства этой страты является откровенный цинизм в восприятии политической сферы, неверие в то, что бюрократия способна услышать и понять их чаяния. Однако, как показывает то же исследование, мотивы конформизма и протеста, желания большей демократичности и страха потери стабильности даже в этой стране столь перемешаны, что никакая количественная социология не способна дать внятное представление о том, насколько широко распространены подобные настроения. Даже такое потрясение, как кризис 2008—2009 годов, лишь высветил эти настроения чуть более отчетливо, но не привел к появлению новых общественных движений.

По собственному признанию «единороссов»¹⁰, их партия испытывает серьезные сложности в общении с подобными группами граждан.

Такая ситуация аномальна даже для режимов с ограниченным политическим плюрализмом: обычным для них¹¹ является ограничение «левых» — коммунистов,

социалистов, профсоюзов, рабочего класса, городских «низов», чтобы дать возможность истеблишменту разработать и провести свою стратегию. В России же ситуация с плюрализмом «поставлена с ног на голову»: благоприятные экономические условия, сложившиеся в середине текущего десятилетия, позволили власти опереться именно на патерналистские «низы» и допустить изоляцию (или самоизоляцию) активного меньшинства. Когда избыток сменяется «посткризисом», а государство провозглашает стратегию модернизации, такая перевернутая структура поддержки становится опасной: государство теряет средства управления «новым протестом» и не включает активное меньшинство в политическую коалицию за модернизацию.

Будущее российской партийной системы зависит от того, каким образом будет разрешено это противоречие: продолжится ли линия на отторжение активных, и если нет, то сможет ли их привлечь «партия власти», или они найдут свое политическое представительство через иную партийную структуру или структуры.

Тезис 4. Сценарные развилки эволюции партийной системы

Глядя из сегодняшнего дня, предельно трудно прогнозировать, по какому сценарию будет развиваться партийная система: «линейные» или «инерционные» сценарии развития партий из нынешнего состояния выглядят примитивно: они сводятся к общим линиям типа «стагнация», переходящая либо в «авторитаризм», либо в «обвал» (либо последовательно из «авторитаризма» в «обвал»), и «чудо» — кардинальный толчок к развитию партийной системы.

Сценарий «чуда» следует исключить сразу: даже в том случае, если «сверху» будет проявлена воля к существенной либерализации режима, ни существующие партии, ни гражданское общество (см. выше Тезис 2) не

смогут действительно включиться в политическую жизнь. Оговоримся: либерализация в России необходима и даже возможна, однако полноценные политические партии могут стать лишь «среднесрочным продуктом» этой системы.

«Стагнация» представляется наиболее вероятным сценарием: данная партийная система удобна для исполнительной власти, поскольку обеспечивает ей абсолютное доминирование не только над законодательной ветвью, но и над всей системой политического представительства. Степень лояльности зарегистрированных политических партий предельно высока, поскольку оппозиция боится, что ее и без того крайне ограниченное существование будет ограничено еще больше, а «партия власти» слишком зависит от ресурсов (административных, финансовых, публичных), которые сосредоточены у федерального Центра или назначенных им губернаторов. В то же время любые оппозиционные или альтернативные политические движения в таких условиях оказываются вытолкнуты либо «на улицу», либо в «пространство Интернета», который останется единственно доступным для них средством коммуникации (преимущественно блогосфера) и мобилизации (сбор участников протестов автомобилистов через социальные сети). Уличная и интернет-активность сегодня раздражает власть и провоцирует ее на жесткую реакцию: разгон «маршей несогласных», голословные обвинения в адрес оппозиции, попытки еще больше законодательно ограничить свободу уличных действий (введение разрешительного характера даже для одиночных пикетов, попытки ужесточить регулирование Интернета). Хотя эта реакция порой оказывается весьма неуклюжей, при нынешних, небольших масштабах альтернативной политической активности такие издержки власть считает допустимыми. В то же время нынешняя партийная система в

минимально достаточной степени отражает структуру массовых предпочтений и позволяет создать «фасад многопартийности», который власть, правящая партия и лояльные ей эксперты и журналисты объявляют «сложившейся и укоренившейся» (см. высказывания президента в Послании Федеральному собранию, интервью Бориса Грызлова «Газете.ру», доклады Дмитрия Бадковского, Михаила Виноградова, Дмитрия Орлова¹²).

Такая «многопартийность» может поддерживаться лишь в режиме «ручного управления», не позволяя логике административного ресурса «дожать» даже лояльную оппозицию и оставить в парламентах лишь «требуемую

временных рамках, перестают действовать все или большинство объективных или субъективных факторов прежнего периода. Институты и партии перестают быть «имитационными», но это отнюдь не означает, что они станут соответствовать букве или духу демократического конституционного дизайна.

В рациональных терминах возможно высказать лишь следующие предположения:

- «Революция» в таком сценарии не может быть «цветной» или «оранжевой». Таковая предполагает куда большую степень политического плюрализма, чем имеется в сегодняшней (и скорее всего, чем будет в завтрашней) России: «цветные» револю-

“В целях модернизационного развития страны все более очевидной становится необходимость придать партийной системе большую гибкость и вариативность”.

по закону» одну оппозиционную партию, да и ту желательно в минимальном размере. Это и есть состояние стагнации. Цена поддержания нынешнего статус-кво для власти зависит от силы сопротивления не столько «изнутри» существующей партийной системы, сколько от альтернативных форм политического действия. Если оно станет более масштабным, власть может либо пойти на частичную либерализацию, либо на дальнейшее ограничение плюрализма — перекрыв все альтернативные каналы коллективных действий и удерживая «легальную» оппозицию в нынешних узких рамках. Чем мощнее будет альтернативный протест, тем больше риск усиления авторитаризма.

Строго говоря, рациональное сценарное планирование на этой точке должно закончиться. Из авторитаризма возможны два выхода: либо через новую попытку либерализации, либо через «обвал» или «революцию». Но при таком развитии событий, которое, кроме всего прочего, трудно определить во

происходят там, где электоральный потенциал оппозиции сопоставим с силой «партии власти». Там, где оппозиция пыталась на выборах не победить власть, а «посоревноваться» с ней (например, оспорить победу президента в первом туре, как произошло в Грузии и Армении в 2008 году), попытка «оранжевых действий» терпит крах: у «улицы» недостаточно мотивации для упорства.

- Невозможен и военный переворот латиноамериканского типа, где военные берут власть, чтобы со временем передать ее сильнейшей на будущих выборах партии. Во-первых, наши военные не обладают таким политическим мышлением и амбициями (и, слава богу, иначе риск военных переворотов был бы слишком велик в каждый момент новейшей российской истории); во-вторых, эту власть некому будет передавать. Элита не обладает навыком самостоятельных, не «заказанных» сверху коллективных действий¹³.

- Следовательно, революционный сценарий в будущей России возможен лишь как «жесткий», переводящий латентный и мягкий авторитаризм в жесткую форму, либо как «обвал», он же «бунт бессмысленный и беспощадный». За этим с непредсказуемым временным лагом последует новая, но уж никак не поддающаяся прогнозированию либерализация.

Тезис 5. Возможности и пределы частичной либерализации

Сценарий частичной либерализации также труден для прогнозирования, однако лишь он дает какую-то надежду на позитивную эволюцию партийной системы. Для его реализации должна сработать следующая логика.

5.1. Исполнительная власть должна осознать необходимость изменения характера коалиции, выступающей в ее поддержку. Точнее, она должна прийти к убеждению, что игнорировать «активное меньшинство» и «новый протест» опасно, а в долгосрочной перспективе может быть полезно инкорпорировать эти тренды в «политический мейнстрим» и создать «коалиции за модернизацию». Кремлю очень нелегко принять такое решение: оно противоречит всей логике прошлых лет, требует восстановления навыков «политического торга», а главное, большей открытости и равенства возможностей в избирательной кампании, что, скорее всего, обернется снижением результата «Единой России» до уровня, условно определяемого как 50 процентов.

5.2. Сказанное фактически означает, что логика парламентских выборов должна вновь «разойтись» с логикой президентских, как и было в России до 2007 года. Президентские выборы на обозримую перспективу (не только в 2012-м, но, скорее всего, и в 2018 году) останутся низкоконкурентными: защищая свой пост от выдвиженцев оппозиционных

партий, «кремлевский кандидат» будет иметь стопроцентные шансы на победу. Вместе с тем в 2012-м впервые в российской истории кандидатура будущего победителя выборов будет зависеть не от воли одного человека (полного аналога мексиканского «политического обряда» *el dedazo* – указания пальцем действующего президента на своего преемника¹⁴), а от соглашения президента и премьера, то есть как минимум от двоих. Это потребует их согласия и по ряду других параметров курса страны и конфигурации политического режима, то есть де-факто некоторой «про-тоинституционализации» этих параметров. В частности, это касается определения роли «партии власти» в будущей политической системе. «Тандемократы» будут искать выход из противоречия: с одной стороны, ими руководит инерционное желание «зафиксировать стабильность» (это желание, в формулировке Хуана Линца, является одним из врожденных пороков президентской власти¹⁵) при помощи уверенного большинства партии власти на всех уровнях, а с другой – в целях модернизационного развития страны все более очевидной становится необходимость придать партийной системе большую гибкость и вариативность. Решение пойти на либерализацию дополнительно усложняется обратной хронологической последовательностью («хронологическим перевертышем»): партийная система должна будет стать одним из параметров режима следующего президентства, но судьбу ее будут решать парламентские выборы, которые состоятся раньше президентских, причем с высокой долей вероятности «Единую Россию» на выборах вновь поведет Владимир Путин. Какую конфигурацию примет «тандем» в следующем электоральном цикле и кто в большей степени способен на риск либерализации – «консервативный» Путин или «либеральный» Медведев, – важнейшая развилка, на сегодняшний день не имеющая очевидного решения.

5.3. Выбор в пользу «умеренной либерализации» — если он состоится — будет выражаться в наборе эволюционных мер. Они могут включать:

- ослабление административного ресурса на выборах, фактическую отмену «плановых заданий» на результат «партии власти»;
- исключение из избирательного законодательства норм, откровенно «подыгрывающих» партии власти: снижение отсекающего барьера до 5 проц., дестимулирование практики «паровозов», отмена метода делителей Импералии¹⁶ для распределения мандатов на региональных выборах, упрощение порядка и процедур регистрации партий и кандидатов на выборах;
- изменение правоприменительной практики на выборах, с тем чтобы оппозиция могла контролировать избирательные процедуры. Отметим, что по всем трем направлениям в последние два года предпринимались определенные шаги, однако они не могли существенно изменить ситуацию, поскольку либо предполагали применение в режиме «ручного управления» (ср. некоторое ограничение административного ресурса на региональных выборах марта 2010 года), либо носили слишком мягкий характер (например, предоставление одного-двух мандатов партиям, набравшим от 5 до 7 проц. голосов);
- отмену или ослабление неформальных, но почти неукоснительно соблюдаемых запретов на приход «мейнстримовских» фигур в оппозиционные партии, независимую от Кремля финансовую поддержку партий, доступ оппозиционеров на федеральные телеканалы и т. п.;
- восстановление должной парламентской процедуры рассмотрения и принятия законопроектов, то есть фактически превращение парламентов в «место для дискуссий». Это, в частности, касается и наполнения реальным смыслом вновь

установленной конституционной нормы о регулярных отчетах правительства перед парламентом — как на федеральном, так и на региональном уровнях.

5.4. Для партийной системы эффект от подобных мер не будет радикальным.

Во-первых, в случае реализации подобного сценария на первом этапе (который может длиться 1–2 шестилетних «президентских» цикла) политический плюрализм будет ограничен «парламентской площадкой» — с доминированием президентской партии и более активным и процедурно честным оппонированием со стороны оппозиции. Это, помимо всего прочего, создаст для партий (как «властной», так и оппозиционных) стимулы бороться за электораты «нового протеста» и «активного меньшинства».

Во-вторых, «Единая Россия» останется как минимум на ту же перспективу (на ближайшие 6 или 12 лет) доминирующей партией. Это не порок и не недостаток партийной системы: доминирующая или преобладающая (в классификации Сартори¹⁷) партия — частый феномен переходных и модернизирующихся обществ. Проблема в том, что «Единая Россия» для исполнения такой роли должна стать реальной партией — с большей, чем сейчас, автономией в принятии решений, «внутрипартийной демократией» и реальной, а не декларативной ответственностью за свои действия. Такая эволюция «партии власти» — первое необходимое условие развития партийной системы в России.

В-третьих, остальные партии должны продемонстрировать способность воспользоваться «частичной либерализацией» для того, чтобы привлечь к себе перспективные элитные фигуры, научиться формулировать и отстаивать свою политическую программу в конкуренции с «партией власти». При этом конкуренция должна быть настоящей, то есть оказывать реальное влияние на выработку курса и обеспечивать подотчетность испол-

нительной власти, но вместе с тем оставаться в рамках консенсуса по основным устоям политической и экономической жизни страны¹⁸. Иначе говоря, должна выработаться «ограниченная неопределенность» в политике, которую Филипп Шмиттер¹⁹ называл главным принципом функционирования демократического общества.

В-четвертых, такая эволюция партийной системы повлечет за собой изменение роли законодательной власти в системе сдержек и противовесов, а также федеративном устройстве государства. Однако прогнозирование этих подвижек лежит вне пределов решаемой нами аналитической задачи.

Из ныне существующих «невластных» партий наибольшее окно возможностей при этом сценарии получает «Справедливая Россия», чей «стартовый набор» лучше, чем у других. Для либеральных партий в такой конфигурации возникает гипотетическая ниша, но все зависит от того, смогут ли они

преодолеть свои внутренние пороки, чтобы ею воспользоваться. КППРФ и ЛДПР в любом сценарии сталкиваются с описанными выше проблемами зависимости от одного ресурса — стареющего электората в первом случае и немолодеющего лидера — во втором.

В случае успешной реализации подобного сценария ближайшие два цикла парламентских выборов станут периодом роста и становления партийной системы, которая через десять лет потребует новой перестройки, поскольку к тому моменту встанут как минимум три вопроса:

- Сохранится ли в обновленной партийной системе доминирование одной партии или система выйдет на уровень принципиально большей конкурентности?
- Кто унаследует ниши КППРФ и ЛДПР — сами эти партии, прошедшие принципиальный «ребрендинг», или новые игроки?
- Как заполнится в партийной системе ниша либерального электората? ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Gryzmala-Busse A. Rebuilding Leviathan: Party Competition and State Exploitation in Post-Communist Democracies. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.*

² Эффективное число партий — политологический показатель, оценивающий совокупность политических весов партий, участвующих в выборах (эффективное число электоральных партий) и в парламентской деятельности (эффективное число парламентских партий). См.: *Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. L.; Beverly Hills, 1979. № 12.* Оно показывает степень реальной, а не формальной многопартийности в стране.

$$N = \frac{1}{\sum p_i^2},$$

где p_i — это доля голосов (мест), полученных i -й партией на выборах или при распределении мест в парламенте.

³ См., например: *Медведев Д.* Россия, вперед! (<http://news.kremlin.ru/news/5413>): «Как и в большинстве демократических государств, лидерами в политической борьбе будут парламентские партии, периодически сменяющие друг друга у власти. Партии и их коалиции будут формировать федеральные и региональные органы исполнительной власти (а не наоборот), выдвигать кандидатов на пост главы государства, руководителей регионов и местного самоуправления. Они будут иметь длительный опыт цивилизованной политической конкуренции».

⁴ ЛДПР без Жириновского: Есть ли у нее будущее. Пресс-выпуск № 1394. ВЦИОМ. 2009. 21 дек. (<http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12945.html>).

⁵ ЦСКП: Стенограмма заседания политических клубов партии «Единая Россия» на тему «Актуальная повестка дискуссии политклубов» в Центре социально-консервативной политики. 2010. 28 марта (<http://www.cscp.ru/clauses/6/397/c/4238/>).

⁶ Макаренко Б. Партийная система России в 2008–2009 гг. М.: ИНИОН, 2009. С. 17.

⁷ Политическая оппозиция в России. Пресс-выпуск Левада-Центра. 2008. 31 июля (<http://www.levada.ru/press/2008073102.print.html>).

⁸ Общественное мнение – 2009: Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2009. С. 99.

⁹ Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса: Экспресс-анализ взглядов на политику и экономику (в печати).

¹⁰ ЦСКП: Стенограмма заседания политических клубов партии «Единая Россия»...

¹¹ O'Donnell G. On the State, Democratization, and Some Conceptual Problems: A Latin American View with Glances at Some Postcommunist Countries // World Development. Vol. 21. No 8. Aug. 1993. P. 1355–1369.

¹² См., например, последние работы: Орлов Д., Бадковский Д., Виноградов М. Экватор или Рубикон? Аналитический доклад / Агентство политических и экономических коммуникаций. М., 2010; Орлов Д., Коняев Д. «Слабое звено» и новая стратегия Кремля. Глава «Российская партийная система: действующие игроки, актуальные вызовы и выборы–2011» (<http://www.regnum.ru/news/1318646.html>).

¹³ В похожей ситуации полвека назад оказались насеровские «свободные офицеры» в

Египте, честно пытавшиеся отдать власть любой партии, способной провести полноценную аграрную реформу. Однако методом исключения египетские военные пришли к выводу, что модернизационные реформы делать некому, кроме них самих, – помещики и компрадоры не были в них заинтересованы.

¹⁴ Гельман В. Перспективы доминирующей партии в России // Pro et Contra. Т. 10. 2006. № 4. Июль–авг. С. 62–71.

¹⁵ Linz J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. Vol. 17. No 1. Winter 1990. P. 51–69.

¹⁶ Все шире применяющийся на региональных выборах метод распределения депутатских мандатов, который благоприятствует крупным партиям. Об эффектах его применения см.: Шалаев Н. Опыт использования системы делителей Имперали в регионах России // Российское электоральное обозрение. 2009. № 1. С. 4–12.

¹⁷ Sartori G. Parties and Party Systems. Vol. 1. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.

¹⁸ Демократия: Развитие российской модели / Под общ. ред. И.Ю. Юргенса. М.: Экон-Информ, 2008. С. 33.

¹⁹ Schmitter Ph. C., Karl T.L. What Democracy Is... and Is Not // Journal of Democracy. Vol. 2. No 3. Summer 1991. P. 39–52.